

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ

ЛИМИТИРОВАННЫЕ ИЗДАНИЯ

Избранные работы из собрания Наследия

НАСЛЕДИЕ ДМИТРИЯ ВРУБЕЛЯ · 1960–2022

ВСТУПЛЕНИЕ

Дмитрий Врубель (1960–2022) — художник, который снова и снова превращал политическую историю, образы массмедиа, частный опыт и коллективную память в мощные современные иконы. Всемирную известность ему принесла роспись на Берлинской стене 1990 года, где Леонид Брежнев и Эрих Хонеккер сливаются в социалистическом братском поцелуе, — изображение, ставшее одним из определяющих образов конца XX века.

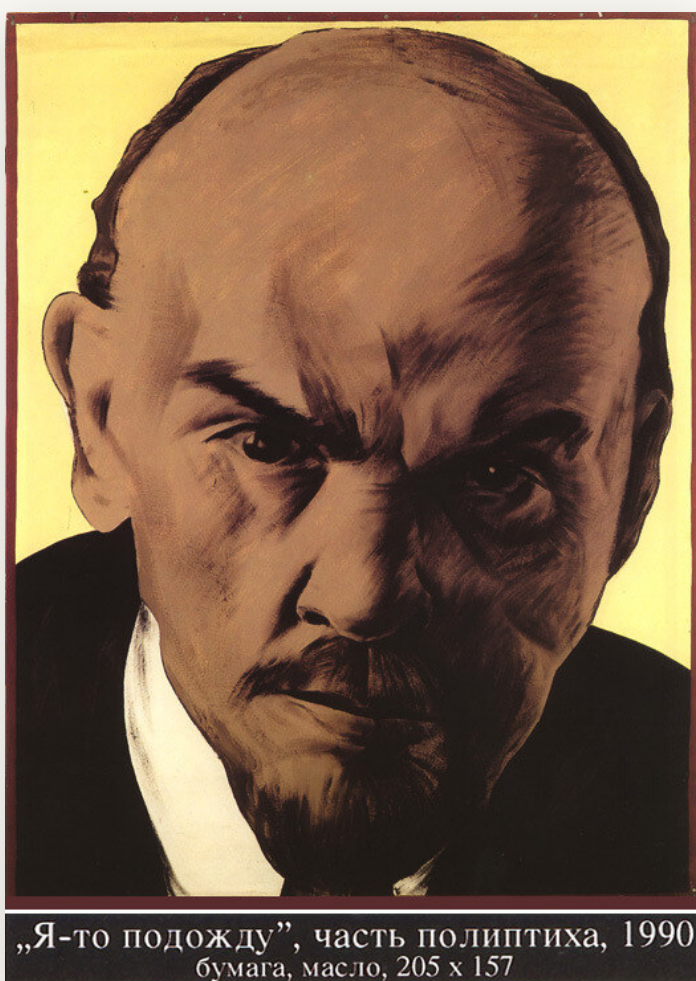
Но творчество Врубеля далеко не сводится к одной этой знаменитой работе. На протяжении четырёх десятилетий он двигался между иконами советской и постсоветской власти, ритуалами идеологии и веры и тихими жизнями обычных людей — старостью, нежностью, смертностью, человеческим лицом. Многие из показанных здесь работ принадлежат его многолетнему проекту «Дневник художника»; вместе они сводят воедино тот более широкий мир: политические портреты и советскую память рядом с бабушками, детьми, верующими и интимным человеческим существованием.

Наследие Дмитрия Врубеля начинает развивать отдельную программу лимитированных изданий, возвращая избранные значимые изображения художника в обращение в контролируемой ограниченной форме. Представленные здесь работы — это издания Наследия, выпускаемые после ухода художника; это не физические принты, напечатанные или подписанные самим Дмитрием Врубелем. Каждое из них возвращает отдельное изображение из его наследия к новому поколению зрителей и коллекционеров.

Раздел I

Власть и история

Врубель относился к политической власти как к зрелищу и одновременно как к психологии. От Ленина до олигархов новой России он брал официальный образ — икону, созданную, чтобы внушать веру, — и возвращал ей человеческое лицо, монументальное и тревожно близкое.

„Я-то подожду”, часть полиптиха, 1990
бумага, масло, 205 x 157

«Я-то подожду» *часть полиптиха*

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ · ОРИГИНАЛ,
1990 · ПЕЧАТЬ НА ХОЛСТЕ ·
ЛИМИТИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ
НАСЛЕДИЯ

Написанная как часть полиптиха, эта монументальная голова превращает самую тиражируемую политическую икону XX века в психологический портрет. Ленин предстаёт не плакатом и не памятником, а тяжёлым, мрачным присутствием — сдвинутые брови, взгляд, устремлённый куда-то мимо нас. Надпись — примерно «Я-то подожду» — придаёт образу холодное терпение, будто идея, которую он воплощает, выжидает своего часа. Врубель работает здесь с самой памятью советской эпохи: с тем, как её иконы всё ещё смотрят — и всё ещё ждут.

«Рома с берёзой» Роман Абрамович

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ · ИЗ ПРОЕКТА
«ДНЕВНИК ХУДОЖНИКА», 2005–2012 ·
ПЕЧАТЬ НА ХОЛСТЕ ·
ЛИМИТИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ
НАСЛЕДИЯ

Роман Абрамович, молодой человек в тёмном костюме, выходит из-за берёзы — дерева русского фольклора и национального пейзажа — наполовину скрытый, наполовину предъявляющий себя. Там, где советские портреты Врубеля сталкиваются с идеологией, здесь он обращается к новому постсоветскому миру: частному капиталу, внезапной публичности, нарождающейся российской элите 1990-х и 2000-х. Поза намеренно двусмысленна — отчасти портрет, отчасти явление, будто модель ещё решает, насколько быть увиденной. Власть сменила костюм; берёза и внимательный взгляд Врубеля остаются.

Березовский и Абрамович *диптих*

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ · ИЗ ПРОЕКТА «ДНЕВНИК ХУДОЖНИКА», 2005–2012 · ПЕЧАТЬ НА ХОЛСТЕ ·
ЛИМИТИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ НАСЛЕДИЯ

Две панели, два лица постсоветского момента. Слева — Борис Березовский, схваченный углём в середине жеста, рука у рта, рисунок ещё открыт и ищущ; справа — Роман Абрамович у неизменной берёзы. Оставленный как видимая рабочая поверхность — размеченные поля, линии построения — диптих позволяет наблюдать, как строится политический портрет: от чернового этюда к публичному образу. Это размышление о том, как создаются лица новой элиты, и о дистанции между частным человеком и фигурой, подготовленной для публичного взгляда.

Без названия (Милиционер) *рабочее название*

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ · ИЗ ПРОЕКТА «ДНЕВНИК ХУДОЖНИКА», 2005–2012 · ПЕЧАТЬ НА ХОЛСТЕ ·
ЛИМИТИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ НАСЛЕДИЯ

Человек в форме заполняет передний план — рация в руке — на фоне белых стен и золотых куполов русского городка. Врубель ставит институциональную власть — фуражку, знаки различия, настороженный боковой взгляд — прямо перед церковью и повседневным городом, так что власть и вера, государство и улица оказываются в одном кадре. Работа принадлежит его постоянному вниманию к визуальной среде постсоветской России, где присутствие формы — просто часть пейзажа. Ни героизированная, ни шаржированная, фигура рассматривается тем же ровным взглядом, что и его вожди.

Раздел II

Путиниана

Начатая в 2000-е, «Putiniana» — растущий портретный цикл, в котором Врубель берёт официальный образ первого лица и прогоняет его через маски эпохи: вождь, икона, кающийся, актёр. Узнаваемое лицо становится зеркалом того, как страна видит — и конструирует — свою власть.

Капитан *Putiniana*

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ · ИЗ СЕРИИ „PUTINIANA“ · ПЕЧАТЬ НА ХОЛСТЕ · ЛИМИТИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ НАСЛЕДИЯ

Первое лицо предстаёт морским капитаном — фуражка с якорем, тельняшка под кителем, тяжёлый прямой взгляд. Врубель надевает на узнаваемое лицо готовый героический костюм массовой культуры и оставляет нас наедине с зазором между ролью и человеком. Парадный портрет оборачивается вопросом о том, кто и куда ведёт корабль.

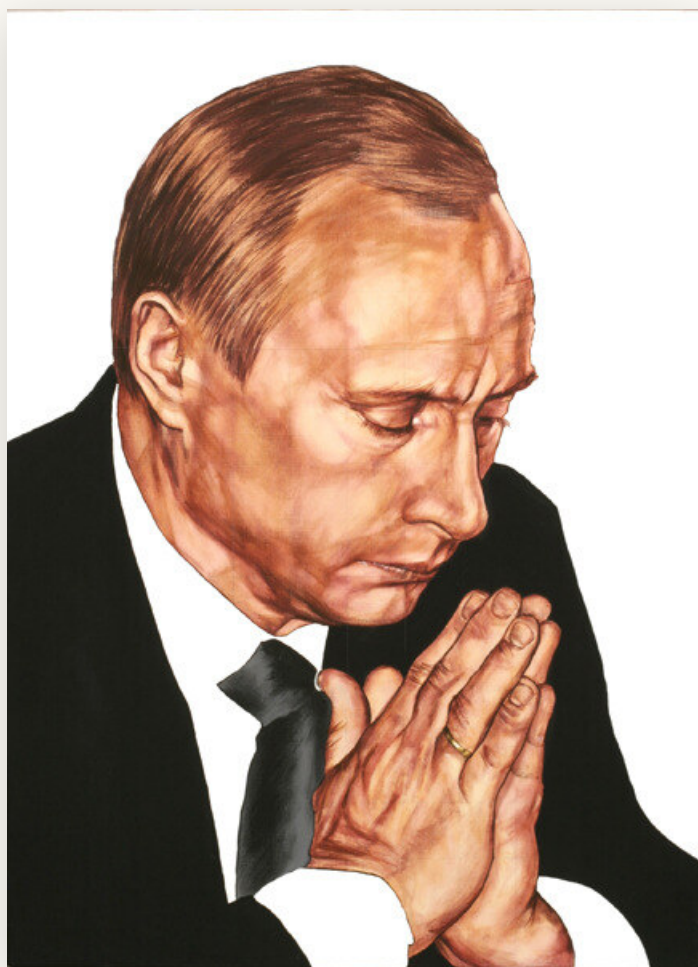
Чёрный квадрат

Putiniana

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ · ИЗ СЕРИИ
„PUTINIANA“ · ПЕЧАТЬ НА ХОЛСТЕ ·
ЛИМИТИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ
НАСЛЕДИЯ

Первое лицо сидит за столом под
парящим чёрным квадратом —
прямая отсылка к Малевичу, иконе
русского авангарда, ставшей
символом обнуления. Врубель
монтирует власть и радикальную
пустоту в одном кадре: за спиной
вождя — не герб и не икона, а
чёрный проём, вобравший в себя
целый век русского искусства и
утопии.

Молитва *Putiniana*

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ · ИЗ СЕРИИ
„PUTINIANA“ · ПЕЧАТЬ НА ХОЛСТЕ ·
ЛИМИТИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ
НАСЛЕДИЯ

Сложенные в молитве руки,
опущенные веки, обручальное
кольцо — вождь показан в момент
частного смирения. Врубель берёт
публичную фигуру и застаёт её в
позе, отведённой для веры,
оставляя открытым вопрос:
искреннее это обращение или ещё
один жест власти. Тишина портрета
и делает его тревожным.

Раздел III

Советская память

Красный галстук, пилотка, коллективный строй: Врубель снова и снова возвращался к образам советского детства. Под его рукой эти символы исчезнувшей системы становятся исследованием принадлежности, невинности и долгого послесвечения идеологии.

Три пионера

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ · ИЗ ПРОЕКТА «ДНЕВНИК ХУДОЖНИКА», 2005–2012 · ПЕЧАТЬ НА ХОЛСТЕ ·
ЛИМИТИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ НАСЛЕДИЯ

Трое детей стоят в профиль в красных пилотках и галстуках, выстроенные в ряд под огромным темнеющим небом. Яркий красный пионерской формы — юность, коллектив, вера в будущее — светится на фоне тяжёлых грозовых облаков. Врубель изолирует детей на фоне погоды, а не места, превращая привычную эмблему советского детства в нечто близкое к предчувствию. Принадлежность и тревога соседствуют: ряд маленьких фигур — одновременно портрет коллективной идентичности и память о системе, которая их сформировала и теперь растворяется в небе.

Пионер

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ · ИЗ ПРОЕКТА «ДНЕВНИК ХУДОЖНИКА», 2005–2012 · ПЕЧАТЬ НА ХОЛСТЕ ·
ЛИМИТИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ НАСЛЕДИЯ

Одинокий мальчик в красной пилотке и галстукe, схваченный в момент крика на краю голого провинциального посёлка, с потёртой табличкой «7Б» на заборе позади. Там, где «Три пионера» дают нам коллектив, здесь Врубель сужает до отдельного человека: один ребёнок внутри огромной машины советской памяти. Тщательная графитная проработка и единственная нота красного сосредоточивают всё внимание на лице мальчика. Большая идеология отступает к пыльному двору, и остаётся конкретный, неповторимый человек — маленький, беззащитный, совершенно настоящий.

Без названия (Девочки) *рабочее название*

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ · ИЗ ПРОЕКТА
«ДНЕВНИК ХУДОЖНИКА», 2005–2012 ·
ПЕЧАТЬ НА ХОЛСТЕ ·
ЛИМИТИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ
НАСЛЕДИЯ

Две молодые фигуры, выполненные плотной чёрно-белой графикой, несут пышные всплески написанного красками цвета там, где были бы головные уборы, — единственное цветовое событие в изображении. Врубель сталкивает свою характерную документальную точность с внезапным, почти яростным художественным вмешательством, так что обычные фигуры увенчаны чистой краской. Контраст и есть тема: натяжение между наблюдаемым, повседневным миром и рукой, которая его преображает. Ни анекдот, ни портрет — образ удерживает две молодые жизни в точке встречи документа и вымысла.

Раздел IV

Человеческий удел

Между политиками и иконами стоят обычные люди. Здесь Врубель переходит от истории к отдельному человеку — старость и достоинство, неожиданная нежность, близость смерти, — тот частный человеческий опыт, о котором его политические работы никогда не дают забыть.

Бабушка

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ · ИЗ ПРОЕКТА «ДНЕВНИК ХУДОЖНИКА», 2005–2012 · ПЕЧАТЬ НА ХОЛСТЕ ·
ЛИМИТИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ НАСЛЕДИЯ

После вождей, олигархов и икон власти из чистой черноты возникает лицо старой женщины в красном платке. Вокруг — ничего; всё — в морщинах лица и твёрдости взгляда. Врубель уделяет этой безымянной фигуре то же монументальное внимание, что и власть имущим, и этот сдвиг намеренный — каталог переходит от истории к частному человеку. Возраст, достоинство и память держатся в одном тёплом, неспешном взгляде. Это одна из работ, что задаёт подборке её человеческий центр.

Без названия (Смерть и память) Надпись: «Последнее время я часто думаю о том, что на мои похороны никто не придёт»

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ · ИЗ ПРОЕКТА «ДНЕВНИК ХУДОЖНИКА», 2005–2012 · ПЕЧАТЬ НА ХОЛСТЕ · ЛИМИТИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ НАСЛЕДИЯ

Мужчина растянулся на бетонном бордюре, будто спит или мёртв, рядом бутылка; за ним в чёрно-белом разворачивается скорбная похоронная сцена. По низу идёт строка: «Последнее время я часто думаю о том, что на мои похороны никто не придёт». Врубель сворачивает частный страх быть забытым в публичный ритуал прощания, ставя одинокую фигуру настоящего против собранной скорби другого времени. Смертность, одиночество и ужас забвения встречаются в одном, ничем не смягчённом образе.

Раздел V

Вера и конфликт

Врубеля притягивали религиозная образность и то, как древние человеческие сюжеты повторяются внутри современной истории. Вера, скорбь и конфликт встречаются в композициях, помещающих вечные жесты в современную рамку.

Благовещение из „Евангельского проекта“

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ · ИЗ „ЕВАНГЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА“ · ПЕЧАТЬ НА ХОЛСТЕ · ЛИМИТИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ НАСЛЕДИЯ

На фоне вооружённого солдата и глухой стены — пожилая женщина в чёрном, а поверху и понизу идут слова Благовещения: «Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная!...». Врубель переносит евангельскую сцену в сегодняшнюю зону конфликта, где ангельское приветствие звучит над оружием и страхом. Древний сюжет о вести и смирении сталкивается с современной войной.

Палестина *из «Дневника художника»*

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ · ИЗ ПРОЕКТА «ДНЕВНИК ХУДОЖНИКА», 2005–2012 · ПЕЧАТЬ НА ХОЛСТЕ ·
ЛИМИТИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ НАСЛЕДИЯ

Толпа женщин в ярких покрывалах — жёлтых, синих, зелёных, тёмно-красных — теснится по большому, почти фресковому полю; одна фигура поднимается с раскинутыми руками. Лица закрыты или отвёрнуты; у нижнего края спит ребёнок. Работая внутри «Дневника художника», Врубель обращается к языку религиозной живописи и к повторяющимся человеческим образам скорби, мольбы и конфликта, помещая вечные жесты в напряжённую современную поверхность. Насыщенный цвет поднимает сцену к сакральному, оставляя её привязанной к настоящему, — одновременно современная толпа и древний хор плача и мольбы.

И, бросив сребренники в храме, он вышел, пошел и удавился.

Иуда *Евангельский текст: „...пошёл и удавился“*

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ · ИЗ „ЕВАНГЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА“ · ПЕЧАТЬ НА ХОЛСТЕ · ЛИМИТИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ НАСЛЕДИЯ

Босые ступни висящего тела в сером тумане и строка: «И, бросив сребренники в храме, он вышел, пошёл и удавился». Врубел даёт евангельский эпизод самоубийства Иуды одним безжалостным фрагментом — без лица, без морали, только тело и слово. Предательство, вина и расплата сведены к тому, что осталось: висящие ноги и текст, который всё называет.

Папа и котёнок *Папа Франциск*

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ · ИЗ ПРОЕКТА «ДНЕВНИК ХУДОЖНИКА» · ПЕЧАТЬ НА ХОЛСТЕ ·
ЛИМИТИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ НАСЛЕДИЯ

Папа Франциск в белом склоняется, прижимаясь лицом к крошечному котёнку; всё изображение построено из тонких, почти нервных линий на глубоком чёрном. После образов власти Врубель предлагает неожиданную нежность: момент заботы между высшим саном и самым малым, самым уязвимым из существ. Почти монохромный рисунок лишает сцену всего, кроме жеста и прикосновения. Каким бы ни был сан, остаётся простое человеческое тепло — готовность склониться к тому, что хрупко.

Раздел VI

Медиа и культурная память

*Работая с языком фотографии, кино и массовой культуры,
Врубель брал найденный образ — уже нагруженный
памятью — и заново создавал его как живопись, удерживая
знакомое ровно настолько, чтобы оно стало странным.*

Вика и Брандо *«Серая выставка»*

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ · 1997 · ПЕЧАТЬ НА ХОЛСТЕ · ЛИМИТИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ НАСЛЕДИЯ

Вика, спутница художника, вписана в киностопкадр рядом с Марлоном Брандо; всё изображение несёт зерно и цвет старого кино. Работая с общим языком кино и массовой культуры — жестом, который мы будто уже видели, — Врубель заново создаёт найденный кадр как живопись, вплетая частную фигуру в публичную, кинематографическую память. Сделанная для «Серой выставки» 1997 года, работа удерживает знакомое ровно настолько, чтобы оно стало странным, так что романтический экранный образ превращается в вопрос о том, как желание и память производятся и передаются через изображения.

ОБРАЗ, КОТОРЫЙ ЗНАЕТ ВСЬ МИР

Братский поцелуй *«Господи, помоги мне выжить среди этой смертной любви»*

ДМИТРИЙ ВРУБЕЛЬ · ОРИГИНАЛ, 1990, БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА / EAST SIDE GALLERY · ПЕЧАТЬ НА ХОЛСТЕ · ЛИМИТИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ НАСЛЕДИЯ

Леонид Брежнев и Эрих Хонеккер сливаются в социалистическом братском поцелуе под словами «Господи, помоги мне выжить среди этой смертной любви». Написанная Врубелем на East Side Gallery Берлинской стены в 1990 году, она стала одним из самых узнаваемых образов конца XX века — политическая близость, идеологический ритуал и абсурдная нежность власти, созданные в тот самый момент, когда изображаемая система рухнула. Мы приходим к ней последней, увидев сначала более широкий мир Дмитрия Врубеля: и только тогда возвращаемся к иконе, которую весь мир уже знает.

НАСЛЕДИЕ ДМИТРИЯ ВРУБЕЛЯ

Наследие Дмитрия Врубеля хранит, исследует и представляет художественное наследие художника (1960–2022) и развивает программу лимитированных изданий отдельных произведений. Наследием руководит Александр Врубель, сын и наследник художника.

ЛИМИТИРОВАННЫЕ ИЗДАНИЯ

Лимитированные издания Наследия возвращают избранные изображения Дмитрия Врубеля в обращение в ограниченной, контролируемой форме. Каждое выпускается после ухода художника Наследием; ни одно не является принтом, напечатанным или подписанным самим художником.

Тираж — определяется для каждой работы при её выборе

Техника — печать на холсте

Размеры — уточняются у Наследия по каждой работе

Сертификат — каждое издание сопровождается сертификатом подлинности
Наследия

Доступность и цена — по запросу (Александр Врубель)

ЗАПРОСЫ

Контакты

По любым вопросам о работах из этого каталога — доступность, размеры, тиражи и приобретение — пожалуйста, свяжитесь с Наследием напрямую.

Наследие Дмитрия Врубеля

Александр Врубель — сын и наследник Дмитрия Врубеля

alexander.vrubel@vrubelprojects.com

vrubelprojects.com · Telegram [@vrubela](https://www.instagram.com/vrubela)